

Научный очерк

УДК 1(47)(092):94(47)

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-1-158-165

История России XIX – XX вв.: метод и прогноз Н. А. Бердяева

Александр Станиславович Маджаров

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия
mas@home.isu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>

Труды Н. А. Бердяева изучались в отечественной и зарубежной литературе. Исследовались теоретико-методологические основания его научных взглядов, их специфика, проблемы интерпретации, связь концепции историсофа с западной мыслью. Современная историография творчества учёного была сосредоточена на философских основах трудов, а исторический аспект философии истории, предмет его исследований – история – оставались вне поля зрения философов. Исторические прогнозы мыслителя и теоретико-методологические основы их получения были разведены. «Метод» отрывался от «истории». Рассмотреть «процедуру» получения достоверных исторических прогнозов в творчестве философа можно посредством использования междисциплинарного подхода, соединяющего исторический и философский компоненты знания. Целью исследования является соотнесение теоретико-методологических оснований концепции Н. А. Бердяева и конкретно-исторических суждений учёного и раскрытие их взаимосвязи. Футурологические исторические заключения Н. А. Бердяева вытекали из представления об истории как динамичном, противоречивом, эсхатологическом духовном процессе. Источником «антропологических» историко-философских изысканий в широком смысле учёный считал «духовный опыт» и отмечал, что вновь рождённая философская «мысль... имела не книжные» основания, а «питалась интуициями жизни». Методологический вектор направлял его историко-философские штудии, соединявшие философские поиски «истины и смысла» с объяснением специфики русской истории. Эту связь «истории» с «философией» он проводил в исследовании, подчёркивая, что видел «целое, весь смысл мироздания», «решение судеб вселенной», «судьбу России» «во всём детальном, отдельном» и воплощал это видение в своих исторических прогнозах. Созерцание движущих исторический процесс «к концу» противоречий духа позволило Н. А. Бердяеву за внешней стороной событий видеть объективное направление движения социума.

Ключевые слова: Н. А. Бердяев, философия истории, история России XIX–XX вв., метод, прогноз, междисциплинарное исследование

Scientific Essay

History of Russia in the XIXth – XXth Centuries: Method and Forecast by N. A. Berdyaev

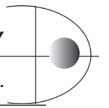
Alexander S. Madzharov

Baikal State University, Irkutsk, Russia
mas@home.isu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>

Works by N. A. Berdyaev have been studied in domestic and foreign literature. The theoretical and methodological foundations of his scientific views, their specificity, problems of interpretation, and the connection of the historiosophist's concept with Western thought were studied. Modern historiography of the scientist's work was focused on the philosophical foundations of his works, and the historical aspect of the philosophy of history, the subject of his research – history – remained outside the field of view of philosophers. The historical forecasts of the thinker and the theoretical and methodological foundations for obtaining them were separated. "Method" was divorced from "history." We can consider the "procedure" for obtaining reliable historical forecasts in the work of a philosopher using an interdisciplinary approach that connects the historical and philosophical components of knowledge. The purpose of the study is to correlate the theoretical and methodological foundations of Berdyaev's concept and the specific historical judgments of the scientist and to reveal their relationship. Berdyaev's futurological historical conclusions stemmed from the idea of history as a dynamic, contradictory, eschatological spiritual process. The scientist considered "spiritual experience" to be the source of "anthropological" historical and philosophical research in a broad sense, and noted that the newly born philosophical "thought... did not have bookish" foundations, but was "nourished by the intuitions of life." The methodological vector guided his historical and philosophical studies, which combined the philosophical search for "truth and meaning" with an

© Маджаров А. С., 2024

explanation of the specifics of Russian history. He carried out this connection between “history” and “philosophy” in his research, emphasizing that he saw “the whole, the whole meaning of the universe”, “the decision of the fate of the universe”, “the fate of Russia” “in everything detailed, separate” and embodied this vision in his historical forecasts. Contemplation of the contradictions of spirit driving the historical process “towards the end” allowed Berdyaev to see behind the external side of events the objective direction of movement of society.

Keywords: N. A. Berdyaev, philosophy of history, history of Russia in the XIXth – XXth centuries, method, forecast, interdisciplinary research

Введение. Николай Александрович Бердяев (6[18] марта 1874 г. – 23 марта 1948 г.) родился в имении Обухово Киевской губернии, а ушёл из жизни в Кламаре под Парижем.

Учёный относил собственное творчество к философии истории, а направление исследований определял как экзистенциальное, эсхатологическое, профетическое. Он писал о «судьбе России», её будущем, опираясь на традицию русской мысли XIX – начала XX в. Проницательные суждения мыслителя об истории страны, Европы имели глубокие научные основания. Его философия, метод, направленные на исследование духовных основ социума, позволили учёному предвидеть события, выходящие за пределы XX в., обосновать исторические прогнозы, которые подтвердились на практике.

Труды Н. А. Бердяева изучались в зарубежной и отечественной литературе [1; 2; 3, с. 683–692; 4, с. 693–705; 5, с. 14–53].

Авторы исследовали теоретические основания его философских построений, историю религиозно-философской мысли, специфику философского направления, к которому принадлежал учёный. Изучались методологические аспекты его творчества, проблемы интерпретации русской религиозной философии, рассматривалась связь его изысканий с трудами зарубежных исследователей XX в.

Н. В. Мотрошилова показала, что российские философы, в том числе Н. А. Бердяев, раньше европейских мыслителей (в XIX – начале XX в.) проложили «дорогу философско-антропологическим, персоналистским, экзистенциальным тенденциям» [6, с. 4]. В своём исследовании она также поставила вопрос о самобытности «русского пути», мессианизме, «антиномиях Российского бытия» и др. [Там же, с. 300]. М. В. Силантьева исследовала «основания», на которых строилось соотношение «онтологического фундамента философствования и метода (пути и способа) философского рассуждения» Н. А. Бердяева [7]. Она раскрыла возможности «философии культуры в

процессе создания теоретических моделей, “валидных” для изучения актуальных процессов современности, а также “выступающих” за её пределы “пост-процессов”», и рассмотрела исследования Н. А. Бердяева о А. С. Хомякове [8, с. 72]. С. А. Титоренко решал задачу «выделения ведущей идейной струны метафизических и ценностных исканий» Н. А. Бердяева, описания «генеральной линии» его философских исканий [9, с. 4]. Диакон Петр Шитиков изучал соотношение «мировоззренческой позиции Н. Бердяева с традиционными формами православной мысли» [10, с. 3]. И. И. Павлов писал о необходимости разработки методологии «для комплексного подхода к изучению русской религиозной философии в целом и философского наследия Н. А. Бердяева в частности» [11, с. 123].

Методология и методы исследования. Современная историография творчества мыслителя посвящалась философским основам его изысканий, а исторический аспект философии истории, её предмет оставался вне поля зрения философов. При этом сам мыслитель был нацелен на изучение и преобразование общества, углублялся в философию и опирался на неё для познания истории. Этот факт подтверждают принадлежащие его перу следующие произведения: «Истоки и смысл русского коммунизма», «Русская идея», «Смысл истории», «Самопознание. Опыт философской автобиографии» и др.

Исторические прогнозы мыслителя о перспективах социализма в СССР, кризисе гуманизма и культуры в Европе XX в., предопределённые спецификой его философии истории, и метод их получения не изучались во взаимосвязи. «Метод» отрывался от «истории». Рассмотреть «механизм» получения достоверных исторических прогнозов в творчестве философа можно в контексте междисциплинарного подхода, в соединении исторического и философского компонентов знания.

Целью исследования является соотнесение теоретико-методологических осно-

ваний концепции Н. А. Бердяева и конкрет-но-исторических заключений учёного, раскрытие их взаимосвязи.

Результаты исследования и их об-суждение.

Н. А. Бердяев о методе истори-ко-философского познания. История и её смысл «в свете конца»

Н. А. Бердяев подчёркивал свою при-надлежность к русской культуре, внутрен-нюю расположенность к философии исто-рии. «Меня ...часто называют историосо-фом» – писал он. – «Я проникнут темой истории...», наследую идеи «славянофилов и западников, Чаадаева и Хомякова, Гер-цена и Белинского, даже Бакунина и Чер-нышевского, несмотря на различие миро-созерцаний, и более всего Достоевского и Л. Толстого, Вл. Соловьева и Н. Федорова. Я русский мыслитель и писатель» [12, с. 11]. Своё направление исследователь сопрягал и с именами Аврелия Августина, Паскаля, Кьеркегора, Ницше [Там же, с. 97].

Историю он не считал «объективной эмпирической данностью», определял как реальность, «преодолевающую грани внеш-ней... фактичности и раскрывающую фак-тичность идеальную», а «историческое» ха-рактеризовал как «особую ступень бытия», откровение о сущности действительности, о судьбе [13, с. 29; 14, с. 12, 15, 16, 18]. Эта, скрывающая глубинный смысл событий жизни социума духовная форма, по словам учёного, не являлась «прогрессом по восхо-дящей линии и не регрессом, а трагической борьбой», в которой «вырастает и добро и зло», обнажаются противоположности. Именно потому «она идёт к концу». «Исто-рия, не имеющая конца, была бы, – под-чёркивал мыслитель, – бессмысленна» [12, с. 305, 307].

Соответственно действенной фило-софией истории, изучающей «идеальную фактичность», позволяющей «схватить» динамическую сторону процесса в его вну-тренней изменяющейся связи, учёный счи-тал эсхатологическую, экзистенциальную, исследующую исторический процесс «в свете конца», обладающую «профетиче-ским элементом» [Там же, с. 305–307]. «Мы, русские, – писал он об эсхатологическом умонастроении народа, – апокалиптики или нигилисты». Нигилизм, бунт – «русское яв-ление» – «один из путей осуществления исторической судьбы» и «принадлежат на-

шей судьбе», – подчёркивал он [13, с. 167]. В свою очередь исследование явления в ото-рванности, абстрактности, неконкретности, вне эсхатологической привязки, как «мёрт-вой точки», по мнению мыслителя, лишало проект «футурологической» перспективы [14, с. 32].

Эти методологические ориентиры по-следовательно воплощались автором в ис-следованиях.

Источник философского позна-ния и его цель. Сферой научных интере-сов Н. А. Бердяева в области философии истории являлась «антропология». Его ин-тересовали «вопросы о смысле жизни, о свободе, о назначении человека, вечности, страдании, зле», а также о «национальном типе», «народной индивидуальности», «об-разе русского народа, его идее» [12, с. 85]. За эмпирической, внешней стороной про-цесса учёный видел его внутреннюю духов-ную составляющую. В центре историко-фи-лософских изысканий мыслителя, в его кни-гах «Русская идея», «Смысл истории», «О назначении человека. Опыт парадоксаль-ной этики», «О рабстве и свободе челове-ка», «Истоки и смысл русского коммунизма» и других стоял человек.

Исследователь подчёркивал свою приверженность чтению, ценил «литерату-ру исповедей, дневников, автобиографий, воспоминаний» и считал эту разновидность исторических источников важнейшей в исто-рико-философском познании волновавших его тем, поскольку полагал, что лишь такая словесность «прорывается через ...объек-тивность к экзистенциальной субъектив-ности». А в творчестве Ф. М. Достоевского находил «настоящую антропологию и мета-физику» [Там же, с. 270]. Источником «ан-тропологических» историко-философских изысканий в широком смысле учёный счи-тал «духовный опыт» и отмечал, что вновь рождённая философская «мысль... имела не книжные» основания, а «питалась инту-ициями жизни» [Там же, с. 87].

Научная цель, которую преследовал Н. А. Бердяев, обращаясь к «духовному опыту», заключалась в открытии «истины и смысла» [Там же, с. 108]. «Смысл есть лишь в том, – заключал Н. А. Бердяев, – что во мне и со мной, т. е. в духовном мире» [15, с. 273, 279].

Об объекте и субъекте познания. Внешний мир, «природный и исторический»,

с его законами, казуальными связями, философ считал «отражённым, символически-знаковым» продуктом рационализации. Он раскрывался скованному понятиями сознанию, но был недоступен «экзистенциальной субъективности». Н. А. Бердяев критиковал рационализацию бытия в понятиях, поскольку их «реализм» вёл к признанию «примата общего над индивидуальным», а, по его мнению, именно «индивидуальное», в отличие от «общего», содержало «полноту бытия» [12, с. 93–95, 99]. «Для меня, – заключал философ, – ...не существует отдельных вопросов в философском познании. Есть лишь один вопрос... Во всём детальном, частном, отдельном я вижу целое, весь смысл мироздания... решение судеб вселенной и моей собственной судьбы» [Там же, с. 94].

Глубина познания, как считал учёный, достигалась тем, что мыслитель экзистенциального типа не противопоставлял «объект субъекту», а погружался «в субъект как первореальность», познавал данную субстанцию «до рационализации, до обработки сознанием» [Там же, с. 100]. «Механизм» собственного «погружения» Н. А. Бердяев описал в «Самопознании». Он констатировал, что на эмпирические факты «исторического объекта» смотрел с точки зрения «иного плана», «иного времени и пространства». «Я не терял чувства и сознания так называемых “реальностей”, мог о них рассудительно говорить, – фиксировал Н. А. Бердяев особенности своего исследования, – хотя сам был в другом месте, в другом времени, в другом плане». Никакие события «не могли убедить меня в глубокой, первичной и последней реальности происходящего в мире». Для меня они были лишь символами [Там же, с. 169]. «Первичную» действительность философ видел в «реальности духа».

В ходе такого познания уяснялась внутренняя связь образа, происходило его «преображение» и «одухотворение». Философ подчёркивал, что новые знания появлялись не дискурсивным (логическим), не аналитическим путём, не в ходе движения «по прямой, восходящей линии... планомерного развития» [Там же, с. 86]. Истина «прорывалась» интуитивно, «в страдании и радости», «как порождение внутреннего опыта, “озарение”», результат действия совокупности духовных сил. Она рождалась, согласно его заключению, целостной, синтетической,

увязанной со смыслом мироздания, судьбой вселенной [Там же].

Эсхатологическое начало русской истории. Н. А. Бердяев в книгах «Судьба России. Опыт психологии войны и национальности» (1918), «Смысл истории» (1920) «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931), «Я и мир объектов. Опыт об одиночестве и общении» (1934), «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937), «О свободе и рабстве человека. Опыт персоналистической философии» (1939) писал о духовном начале истории.

В «Русской идее» он раскрыл базисную черту социума, подчеркнул, что русские «устремлены к концу, плохо понимают “ступенчатость исторического процесса”, значение формы» [13, с. 167]. Этот методологический вектор – оценку русского этноса как «народа конца» исторического процесса, а не «середины», его устремлённость «к развязке», исследователь последовательно выявлял во всех значительных феноменах отечественной истории и мысли.

Философ писал об отсутствии целостности, движении к исходу в идее «Москва – третий Рим», в религиозном расколе, в дуализме реформ Петра I. Он вскрыл полярированность, противоречивость русской почвы, заложенные в декабризме, во внутреннем странничестве русской интеллигенции. Этот разлом Н. А. Бердяев видел в противостоянии славянофилов и западников, в «идеалистах» 40-х гг. и в «реалистах» 60-х гг. XIX в., в русском народничестве, нигилизме, анархизме, а также в «духах зла» Н. В. Гоголя и в «бесах» Ф. М. Достоевского, в русской революции и коммунизме, в русском капитализме [13, с. 63–262; 16, с. 17–47].

В поисках смысла. О революции 1917 г. Прогнозы философа истории строились на глубоком понимании особенностей «души России». Выходец из аристократической среды порвал с породившим его миром, познакомился с марксизмом. Он на собственном опыте осознал, что «революционная интеллигенция» не любит свободы, увидел в марксизме элементы, которые должны привести к деспотизму, пережил столкновение личности и «коллектива» [12, с. 58].

Специфика метода Н. А. Бердяева, проявлявшегося в рассмотрении процесса «в свете его конца», обнаруживалась уже на ранних этапах его творчества. В статье, на-

писанной в 1907 г. и вошедшей в книгу «Духовный кризис интеллигенции» (1910), мыслитель предсказал, что революция, когда она произойдёт в России, будет «враждебна свободе и гуманности» и в ней победят большевики [12, с. 135].

В 1914–1918 гг., в переломный момент в жизни страны, учёный в книге «Судьба России» писал о необходимости «новых реакций духа» на всё свершившееся, изучения былого страны и её современной жизни в «перспективе мировой истории». За историческими, социологическими, политическими структурами, о которых писали современники событий, философ видел духовные начала. Война, революция, – считал он, – феномен не «политический и социальный», а духовный и религиозный. Нельзя возродить Россию одними политическими средствами [17, с. 186–191; 18, с. 27]. И, глядя в будущее, он констатировал: «В самой глубине буржуазной жизни лежит... семя великой войны, великой катастрофы» [18, с. 143].

О «конце» социализма и постсоветской России. Н. А. Бердяев относил слова П. Я. Чаадаева о прошлом, которое «нам уже не подвластно», и будущему, что «зависит от нас», к «основным мыслям» XIX в. Он писал о том, что потенциальные силы народа раскроются и будут получены ответы на важнейшие вопросы человечества. Зимой (1919–1920) на лекции в Вольной Академии духовной культуры философ высказал прогноз о перспективах «нового строя».

Эсхатологическая направленность метода, его нацеленность на выявление судьбоносных противоречий «в духе» зарождающегося нового строя позволили Н. А. Бердяеву увидеть в начале процесса неизбежность его конца.

«Можно заранее с уверенностью сказать, – констатировал он, – что... не удастся никакой социализм, который попробуют осуществить и который, вероятно, будет играть большую роль в том периоде истории, в который ныне мы вступаем. Социализм в опыте осуществления своего будет совсем не тем, к чему социалисты стремятся. Он вскроет новые внутренние противоречия человеческой жизни, которые сделают невозможным осуществление тех задач, которые выставило социалистическое движение. Он никогда не осуществит того освобождения труда, которого К. Маркс хотел достигнуть связыванием труда, никогда не приведёт

человека к богатству, не осуществит равенства, а создаст лишь новую вражду между людьми, новую разобщённость и новые неслыханные формы гнёта» [Цит. по: 11].

Позже, в эмиграции, учёный подтвердил своё теоретическое заключение: в революционном социализме, коммунизме видна суть Великого Инквизитора. За хлеб соглашаются отказаться от свободы духа [12, с. 136].

В свете наблюдений за реальным социальным экспериментом в СССР Н. А. Бердяев в книге «Русская идея» (1943) высказал новые мысли о месте коммунизма в русской истории и его будущем. Он интерпретировал коммунизм как «момент внутренней судьбы русского народа», который должен быть «преодолён» сокровенными силами народа, а «не уничтожен». Избавиться нужно было от лжи «в духовных основах», которые вели к дегуманизации, к отрицанию ценности человека, «к сужению человеческого сознания» [10; 13, с. 295].

Прогноз мыслителя включал «окончательный» приговор «новому строю», – прекращение его существования и наступление новой эпохи.

Исторический опыт строительства социализма показал миру и достоинства «передового» строя. Н. А. Бердяев увидел «социальную правду» «коммунистической» России в «раскрытии возможности братства людей и народов, преодолении классов» и советовал взять в будущем из полученного опыта социалистического строительства всё лучшее. «В высшую стадию, которая наступит после коммунизма, – писал он, – должна войти правда коммунизма» [13, с. 295].

Кризис гуманизма как проблема социума. Метод Н. А. Бердяева последовательно воплотился в его работах, посвящённых современной истории Старого Света. В июне 1915 г. учёный опубликовал в «Биржевых ведомостях» статью «Конец Европы». Она практически повторяла заголовок ещё не опубликованной книги О. Шпенглера «Закат Европы» и совпадала с ней по смыслу. Философ свидетельствовал о приближающемся конце «Европы как монополиста» и «носительницы высшей культуры». В работах «Конец ренессанса. К современному кризису культуры» (1919), «Смысл истории», (1920), «Предсмертные мысли Фауста» (1921) он писал о специфике эпохи, которую переживает Европа, Россия, о направлении движения социума [19, с. 889–890].

По его словам, Старый Свет проходит эпоху кризиса культуры, деградации духовной основы – человечности (гуманизма), разложение «органического», утверждение «механического». Он показал кризисные явления в творчестве Ф. Ницше (возможность «антихристианской», безбожной, сатанической» религии); К. Маркса (не удержался на «человеческом», перешёл к «нечеловеческому» – «новому коллективному целому»; в реальном социализме (основан не «на избытке, а на недостатке», принудительной организованности, механическом коллективе); в познании (позитивизм, объективизм, борьба с субъективным, человеческим началом в науке); в современном искусстве («человеческий образ» гибнет в импрессионизме, футуризме; в жизни государства).

Культура не развивается бесконечно. Её внутренние начала – религиозный культ, культ предков, предание, как подчёркивал исследователь, влекут культуру к цивилизации, к смерти духа культуры. Она начинает переходить из стадии «органической» в стадию «механическую». «Начинается, – заключал Бердяев, – культ жизни вне её смысла» [14, с. 169].

Однако культура, по словам учёного, вечна. В эпоху цивилизации она уходит в глубину, но остаётся «в качествах», продолжает жить в людях «как глубокое наслоение» [Там же, с. 172]. Полностью культура не умирает никогда.

Заключение. Прогнозы Н. А. Бердяева опирались на представления об истории как

духовном процессе, который в силу динамизма, взаимодействия противоположных начал имел эсхатологический характер, «шёл к концу», выявлял «смысл».

Выстраивая прогноз, мыслитель совершал переход от «реальности духа», философской оценки, «смысла» изучаемого явления к историческому факту: победе большевиков в октябрьской революции; краху социализма в России; необходимости включить в «высшую стадию» после коммунизма – его «правду» – «братство людей и народов, преодоление классов»; бессилию цивилизации осуществить мечту «о бесконечно возрастающем мировом могуществе»; конечности цивилизации; вечности культуры и др.

Специфика взаимосвязи теоретико-методологических оснований концепции Н. А. Бердяева и конкретно-исторических выводов учёного заключалась в том, что абстрактные постулаты, методологические указания, отличавшиеся широтой, универсальностью, в предвидении, опиравшемся на эти положения, путём перевода в предметное поле «истории», возвращения в «объективный процесс», фиксированности в определённом пространстве и времени, конкретизировались, становились историческими прогнозами.

Созерцание движущих исторический процесс «к концу» противоречий духа позволило Н. А. Бердяеву за внешней стороной событий эмпирической реальности видеть объективное направление движения социума, предвидеть его неотвратимые перемены.

Список литературы

1. Rossignotti M. Persona e tempo in Berdjaev. Bologna: Edizioni Studio Domenicano, 1993. 192 p.
2. Dietrich W. Nikolai Berdjajew: Sein Denken im Prozen; der Diskurs mit den Partnern seiner Philosophie. Lit, Hamburg, 2001. 1036 s.
3. Ванюшина Е. Ф. Бердяевская рецепция философского наследия А. С. Хомякова // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., состоявшейся 14–17 апреля 2004 г. в г. Москве в Литературном ин-те им. А. М. Горького / отв. ред. Б. Н. Тарасов. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 1. С. 683–692.
4. Силантьева М. В. Философия свободы русской неопатристики (Н. Бердяев об А. Хомякове) // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., состоявшейся 14–17 апреля 2004 г. в г. Москве в Литературном ин-те им. А. М. Горького / отв. ред. Б. Н. Тарасов. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 1. С. 693–705.
5. Маджаров А. С. История России в теории цивилизаций: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 211 с.
6. Мотрошилова Н. В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов). М.: Республика: Культурная революция, 2007. 477 с.
7. Силантьева М. В. Экзистенциальная диалектика Николая Бердяева как философский метод: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. М., 2005. 36 с.
8. Силантьева М. В. Философия культуры Николая Бердяева о перспективах «посткризисного мира»: методологические аспекты интеллектуальной модели «нового средневековья» // Учёные записки Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 12, № 3. С. 71–79.

9. Титаренко С. А. Специфика религиозной философии Николая Бердяева: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. Ростов н/Д., 2006. 47 с.
10. Шитиков П. (диакон) Н. А. Бердяев как историк русской религиозной философской мысли: автореф. дис. ... канд. богословия. Специальность «История русской религиозной философии». Сергиев Посад, 2009. 21 с.
11. Павлов И. И. Современные методологические проблемы исследования творчества Н. Бердяева // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 123–129.
12. Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. 446 с.
13. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 320 с.
14. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
15. Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // О назначении человека. О рабстве и свободе человека / Н. А. Бердяев. М.: АСТ, 2006. С. 266–637.
16. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
17. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // О назначении человека. О рабстве и свободе человека / Н. А. Бердяев. М.: АСТ, 2006. С. 5–265.
18. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности // Русская идея / Н. А. Бердяев. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. С. 23–202.
19. Бердяев Н. А. Предсмертные мысли Фауста // Падение священного русского царства: публицистика 1914–1922 / Н. А. Бердяев. М.: Астрель, 2007. С. 889–902.

Сведения об авторе

Маджаров Александр Станиславович, доктор исторических наук, профессор, Байкальский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина 11; mas@home.isu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>.

Для цитирования

Маджаров А. С. История России XIX–XX вв.: метод и прогноз Н. А. Бердяева // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 1. С. 158–165. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-1-158-165.

Статья поступила в редакцию 25.02.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 28.03.2024.

References

1. Rossignotti, M. Person and time in Berdjajev. Bologna: Edizioni Studio Domenicano, 1993. (In Ital.)
2. Dietrich, W. Nikolai Berdjajew: His thinking in perspective; the discourse with the partners of his philosophy. Hamburg, 2001. (In Ger.)
3. Vanyushina, E. F. Berdyayev's reception of the philosophical heritage of A. S. Khomyakova. A. S. Khomyakov – thinker, poet, publicist. Proceedings of the International Scientific Conference. M.: 14–17 April, 2004: 683–692. (In Rus.)
4. Silant'eva, M. V. Philosophy of freedom of Russian neopatristics (N. Berdyayev about A. Khomyakov). A. S. Khomyakov – thinker, poet, publicist. Proceedings of the International Scientific Conference. M.: 14–17 April, 2004: 693–705. (In Rus.)
5. Madzharov, A. S. History of Russia in the theory of civilizations: monograph. Irkutsk: IGU, 2014. (In Rus.)
6. Motroshilova, H. V. Thinkers of Russia and the philosophy of the West (V. Solovyov. N. Berdyayev. S. Frank. L. Shestov). M.: Respublika: Kul'turnaya revolyutsiya, 2007. (In Rus.)
7. Silant'eva, M. V. Existential dialectics of Nikolai Berdyayev as a philosophical method. Dr. philos. sci. diss. abstr. M., 2005. (In Rus.)
8. Silant'eva, M. V. Philosophy of culture of Nikolai Berdyayev on the prospects of the “post-crisis world”: methodological aspects of the intellectual model of the “new Middle Ages”. Scholarly Notes of Transbaikalian State University, no. 3, pp. 71–79, 2017. (In Rus.)
9. Titarenko, S. A. Specifics of the religious philosophy of Nikolai Berdyayev. Dr. sci. diss. abstr. Rostov-na-Donu, 2006. (In Rus.)
10. Diakon Shitikov, Petr N. A. Berdyayev as a historian of Russian religious philosophical thought. Cand. sci. diss. abstr. Sergiev Posad, 2009. (In Rus.)
11. Pavlov, I. I. Modern methodological problems in the study of N. Berdyayev's creativity. Questions of philosophy, no. 10, pp. 123–129, 2021. (In Rus.)
12. Berdyayev, N. A. Self-knowledge. Experience of philosophical autobiography. M.: Kniga, 1991. (In Rus.)
13. Berdyayev, N. A. Russian idea. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2008. (In Rus.)
14. Berdyayev, N. A. The meaning of history. M.: Mysl', 1990. (In Rus.)

15. Berdyaev, N. A. On the purpose of a person. Experience of paradoxical ethics. On the purpose of a person. About slavery and human freedom. M.: AST, 2006: 266–637. (In Rus.)
16. Berdyaev, N. A. Origins and meaning of Russian. M: Nauka, 1990. (In Rus.)
17. Berdyaev, N. A. About slavery and human freedom. Experience of personalistic philosophy. In Berdyaev, N. A. On the purpose of a person. About slavery and human freedom. M.: AST, 2006: 5-265. (In Rus.)
18. Berdyaev, N. A. The fate of Russia. Experience in the psychology of war and nationality. In Berdyaev, N. A. Russian idea. M.: Eksmo; Sankt-Peterburg: Midgard, 2005: 23–202. (In Rus.)
19. Berdyaev, N. A. Faust's dying thoughts. In Berdyaev, N. A. The Fall of the Sacred Russian Kingdom: Journalism 1914–1922. M: Astrel', 2007: 889–902. (In Rus.)

Information about the author

Madzharov Alexander Stanislavovich, Doctor of History, Professor, Baikal State University, 11 Lenina st., Irkutsk, Russia, 664003; mas@home.isu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>.

For citation

Madzharov A. S. History of Russia in the XIXth – XXth centuries: Method and Forecast by N. A. Berdyaev // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 1. P. 158–165. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-1-158-165.

**Received: February 25, 2024; approved after reviewing March 27, 2024;
accepted for publication March 28, 2024.**